Громыко С. А. Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 66—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79.

Gromyko, S. A. (2021). Persuasive Complex as a Unit of Analysis of Parliamentary Discourse. *Nauchnyi dialog*, 4: 66-79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79

Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса

Громыко Сергей Александрович

orcid.org/0000-0002-4256-9815

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, журналистики
и теории коммуникации
ling2007@yandex.ru

Вологодский государственный
университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований
в рамках научного проекта № 20-
012-00111 «Русский национализм
в лингвояридическом аспекте:
прагматика, динамика, экспертиза»

Persuasive Complex as a Unit of Analysis of Parliamentary Discourse

Sergey A. Gromyko

orcid.org/0000-0002-4256-9815

PhD in Philology, associate professor
Department of Russian Language,
Journalism
and Communication Theory
ling2007@yandex.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00111
“Russian nationalism in the linguistic
aspect: pragmatics, dynamics, expertise”

© Громыко С. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается методика анализа речевого воздействия в парламентском дискурсе. Актуальность и новизна исследования видятся в том, что парламентский дискурс рассматривается как персуазивный дискурс. Предлагается методика анализа персуазивности данного дискурса. В научный оборот вводится категория «персуазивный комплекс», которая рассматривается как совокупность инструментов и способов реализации персуазивности, сформировавшихся в отдельно взятом дискурсе и объединенных семантической единицей — образом или символом. Используя материал дискуссии I Государственной думы Российской империи, автор подробно останавливается на анализе персуазивного комплекса «КРОВЬ». Описана процедура анализа данного персуазивного комплекса. Автор приходит к выводу, что персуазивный комплекс реализуется на трех уровнях: семантическом, инструментальном и операциональном. Показано, что представители всех фракций в первом российском парламенте активно использовали персуазивный комплекс «КРОВЬ», однако варианты его реализации в конкретных персуазивах существенно различались. Делается вывод о том, что персуазивный комплекс — это единица анализа дискурса, которая направлена на выявление семантической, формальной и функциональной составляющих воздействия адресанта на реципиента.

Ключевые слова:

парламентский дискурс; риторика; персуазивность; персуазивный комплекс; национализм; прагматика высказывания

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The method of analysis of speech impact in the parliamentary discourse is considered. The relevance and novelty of the research is seen in the fact that parliamentary discourse is viewed as a persuasive discourse. A methodology for analyzing the persuasiveness of this discourse is proposed. The category “persuasive complex” is introduced into scientific circulation, which is considered as a set of tools and methods for realizing persuasiveness, formed in a single discourse and united by a semantic unit — an image or a symbol. Using the material of the discussion of the First State Duma of the Russian Empire, the author dwells in detail on the analysis of the persuasive complex “BLOOD”. The procedure for analyzing this persuasive complex is described. The author comes to the conclusion that the persuasive complex is implemented at three levels: semantic, instrumental and operational. It is shown that representatives of all factions in the first Russian parliament actively used the “BLOOD” persuasive complex, but the options for its implementation in specific persons differed significantly. It is concluded that the persuasive complex is a unit of discourse analysis, which is aimed at identifying the semantic, formal and functional components of the addressee's impact on the recipient.

Key words:

parliamentary discourse; rhetoric; persuasiveness; persuasive complex; nationalism; pragmatics of the statement.

Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса

© Громыко С. А., 2021

1. Введение в проблему

В современной лингвистике и теории коммуникации парламентский дискурс чаще всего понимается как особая разновидность институционального политического дискурса, основными чертами которой являются агональность, интеракциональность, регламентированность, специфическая интенциональная основа, направленная на пропаганду, эмоциональное воздействие, побуждение к политическим поступкам, наличие особых жанров высказывания [Алферов и др., 2014, с. 24—27; Граудина, 1994; Громыко, 2011, с. 84; Дулесов, 2020, с. 42; Китайгородская и др., 2003; Парламентский дискурс ..., 2020, с. 16—17 и др.]. Исследователи политического дискурса в процессе решения спорного вопроса о его границах признают, что парламентская коммуникация относится к ядерной части политического дискурса, а жанры парламентской речи являются прототипными [Дулесов, 2020, с. 4 и др.]. Обращает на себя внимание и такая особенность парламентского дискурса, как персуазивность.

Под *персуазивной коммуникацией* понимается «особая форма ментально-речевой деятельности коммуникантов, реализующая попытку воздействия адресанта на реципиента с целью добиться от него принятия решения о необходимости, желательности либо возможности совершения / отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта» [Голоднов, 2003, с. 8]. При этом единицей персуазивной коммуникации является речевой макроакт персуазивности, а персуазивный текст — это текст, доминирующей коммуникативной функцией которого является воздействие на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения. Продуцируя текст, адресант персуазивной коммуникации осуществляет выбор и комбинирование тематических ситуаций, речевых актов и языковых средств в соответствии с коммуникативной стратегией персуазивности, которая может быть общей (доминирующая функциональная характеристика персуазивного дискурса, его главная концептуально-тематическая установка с ориентацией на перлокутивный эффект, к достижению которого стремится адресант) и частной (вариант реализации глобальной интенции в виде элементов содержания, включенных в пропозициональную структуру текста) [Там же, с. 5—10].

Персуазивный характер парламентского дискурса требует особого комментария, так как само понятие «персуазивность» в исследованиях применяется чаще всего к рекламному дискурсу либо политическому дискурсу в целом (см. работу [Рюкова и др., 2016] о персуазивности в речи У. Черчилля). С позиций когнитивной лингвистики рассмотрение парламентского дискурса как персуазивного произведено в работе Л. В. Правиковой, которая определяет парламентский дискурс как «персуазивный дискурс, целью продуцента которого является конструирование особого семантического мира, изменение когнитивных установок оппонента, склонение его к той или иной точке зрения по политическому вопросу и в конечном счете убеждение его принять то или иное решение тем или иным образом» [Правикова, 2018, с. 360]. При этом в работе используется широкий подход к понятию «персуазивность», так как категории «убеждение» и «воздействие», значимые для теории коммуникации и риторики, четко не разделяются, а аргументация признается «одной из форм персуазивного дискурса, в котором выдвигается и поддерживается то или иное положение и через логическое рассуждение приводится доказательство» [Там же, с. 361].

Исходя из перечисленных выше характеристик парламентской коммуникации, можно сказать, что персуазивность — имманентная характеристика парламентского дискурса, однако конкретные ее проявления крайне разнообразны, а удельный вес по отношению к другим коммуникативным стратегиям может меняться в зависимости от жанра текста и условий его производства. В процессе анализа персуазивности парламентского дискурса с позиции теории коммуникации следует учитывать сложный, сетевой характер общения в парламенте. Например, адресат депутатской речи в прениях чаще всего имеет уровневую структуру:

- 1) непосредственно депутаты-оппоненты;
- 2) фракция-оппонент;
- 3) фракция, интересы которой представляет депутат;
- 4) представители исполнительной власти, присутствующие на заседании;
- 5) средства массовой информации;
- 6) избиратели, представители общественности и иные лица, не участвующие непосредственно в парламентских действиях.

В современных парламентах особое внимание агенты дискурса вынуждены уделять последним двум группам адресатов, так как именно средства массовой информации в обработанном виде ретранслируют дискурс, формируя тем самым обратную связь для актантов коммуникации. В зависимости от доминирования в выступлении депутата того или иного адресата общие стратегии будут различными, поскольку, например, рабочие моменты

обсуждения поправок к законопроекту во втором чтении требуют в большей степени рационального убеждения оппонентов, а протест против внесения одиозного законопроекта социальной направленности — игры на публику, воздействия на эмоционально-волевую сферу оппонентов, СМИ и зрителей.

Жанровая система парламентского дискурса также демонстрирует неоднородность его персуазивного потенциала. Такие жанры текстов, как доклад, депутатский запрос, выступление члена правительства на правительственном часе, являются информирующими, общая коммуникативная стратегия информирования доминирует над стратегией персуазивности либо вытесняет ее вообще. Как показывает анализ текстов этих жанров, большую роль в их прагматической организации играют статистика, логические операции анализа и синтеза, экспертные мнения, обобщения.

Ядром парламентской персуазивности необходимо признать жанры выступления в прениях и реплику. Речи в прениях, как правило, в большей степени агонистичны, эмоциональны, они содержат как рациональную аргументацию, так и эмоциональное воздействие на адресата. При этом стенограммы фиксируют в этих выступлениях большое количество фактов «жесткого» воздействия: речевую агрессию, угрозы, дискредитацию, манипуляцию.

Жанр депутатской реплики с места на сегодняшний день изучен крайне слабо по двум причинам. Во-первых, он выбивается из ряда институциональных жанров своим ненормативным характером, так как регламентом практически всех функционирующих парламентов он либо категорически запрещен (что не мешает, впрочем, депутатам выкрикивать с места фразы во время выступления другого участника прений), либо легализован до полноценного жанра выступления с разрешения председательствующего. Во-вторых, официальные стенограммы большинства современных парламентов (например, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) не фиксируют реплики с места, лишая исследователя возможности их анализировать. В то же время перлокутивный эффект реплики с места необычайно велик. Стенографические отчеты Государственной думы Российской империи фиксируют частые прерывания речи депутата-оратора репликами с места, в результате чего выступающий вынужден был отвечать на эти реплики, отклоняясь от плана высказывания, а большая часть депутатов — реагировать на них различными способами.

Инструменты персуазивности многообразны и разнородны. В этом аспекте стратегия персуазивности рассматривается как система осуществляемых адресантом операций выбора и комбинирования, тематического оформления и текстового кодирования коммуникативных действий. Эти операции определяются как персуазивные техники, а средства различ-

ных языковых уровней, эксплицирующие в конкретном тексте персуазивные техники, —языковые маркеры персуазивности [Голоднов, 2003, с. 5]. В парламентском дискурсе персуазивные техники могут быть политически и социально маркированы: например, левые фракции могут предпочитать одни техники, а правые — совершенно другие, что является результатом борьбы за символическое «присваивание» реальности, выстраивание своего узнаваемого стиля речевого и политического поведения. В то же время одни и те же техники представителями различных политических сил в процессе дискуссии могут быть использованы с разными коммуникативными целями в зависимости от взаимоотношений с доминирующим адресатом. Сложность и функциональное многообразие персуазивных средств в парламентском дискурсе заставляет по-новому подходить к их анализу в рамках варианта парламентского дискурса, например, думского дореволюционного или современного российского.

2. Персуазивный комплекс «КРОВЬ» в дореволюционном парламентском дискурсе

Если рассматривать конкретный парламентский дискурс диахронически, то можно заметить его дискретный характер. Так, отечественный парламентский дискурс в этом аспекте четко делится на дореволюционный начала XX века и современный, между которыми перерыв в 75 лет. Дореволюционный, в свою очередь, делится на четыре созыва Государственной думы. Хронологическая дискретность существования дискурса порождает существенные изменения в его содержании: меняются политические и юридические контексты, сами агенты (депутаты, фракции, члены правительства), взаимоотношения между ними, темы прений. Наблюдаются изменения и в использовании персуазивных техник и конкретных средств персуазивности. Их исследование в рамках отдельно взятого созыва парламента позволяет существенно ограничить область научного наблюдения и ответить на ряд вопросов: какие средства персуазивности доминируют на данном этапе развития парламента? как выбор тех или иных техник коррелирует с политическим раскладом в парламенте? какие инструменты представляют агентам дискурса на данном этапе его развития эффективными для убеждения / воздействия?

В качестве инструмента исследования персуазивности парламентского дискурса мы предлагаем использовать такую категорию, как персуазивный комплекс.

Под *персуазивным комплексом* мы понимаем совокупность инструментов и способов реализации персуазивности, сформировавшихся в отдельно взятом дискурсе и объединенных семантической единицей — образом или

символом. Это когнитивно-коммуникативная категория, которая отражает актуальное для данного дискурса представление о степени убедительности различных способов предъявления востребованных образов. Введение данной дефиниции обусловлено тем, что в персуазивных дискурсах, особенно агональных и полемичных, можно заметить использование их агентами набора образов-символов, с высокой частотностью предъявляющихся в различных коммуникативных ситуациях с различными целями. Их можно назвать своеобразным мотивом — устойчивой повторяющейся структурно-смысловой единицей дискурса. Однако разные агенты дискурса используют эти образы-символы по-разному, конструируя отличающиеся друг от друга персуазивные техники.

В качестве примера рассмотрим персуазивный комплекс «КРОВЬ» в русском парламентском дискурсе начала XX века. Его формирование происходило в дискурсе Первой Государственной думы Российской империи, когда на повестке дня стоял вопрос о необходимости амнистии политическим заключенным. В дореволюционных думах последующих созывов персуазивный комплекс «КРОВЬ» также использовался агентами дискурса. Рассмотрим его структуру и функционирование на материале стенограмм заседаний Государственной Думы 1906 года.

Стенографические отчеты заседаний первого российского парламента за период с 27 апреля по 30 мая 1906 года (заседания 1—18) фиксируют 133 употребления депутатами в рамках выступлений лексемы *кровь*, а также производных от нее прилагательных, причастий и наречий; за период с 1 июня по 4 июля 1906 года (заседания 19—38) — 224 словоупотребления. Таким образом, всего за два месяца работы Первой Государственной думы это слово было произнесено 358 раз. Помимо непосредственно слова *кровь*, в подсчет вошли частотные лексемы *кровавый*, *кровный*, *кровопротитие*, а также фразеологизмы *пролить кровь*, *кровавая баня*, *кровавая оргия*, пословица *кровь кровью моют* и некоторые другие. Не включались в подсчет частотное прилагательное *хладнокровный* и производные от него.

1. Рассмотрим семантический уровень данного персуазивного комплекса. С точки зрения общей семантики и пропозиции высказывания можно выделить следующие группы сообщений, связанных с лексемой *кровь*.

1. Кровь проливается / проливалась (констатация):

- 1.1. народа
- 1.2. невинных
- 1.3. русских
- 1.4. христиан.

2. Кровь будет проливаться в ближайшее время (если не выполнить определенных условий).

3. Необходимо избежать будущего кровопролития.
4. Кровь сигнализирует о совершенных преступлениях:
 - 4.1. высшей властью
 - 4.2. правительством
 - 4.3. погромщиками
 - 4.4. конкретными лицами.
5. Необходимо прекратить питаться кровью:
 - 5.1. пить кровь
 - 5.2. быть кровожадным
 - 5.3. употреблять в пищу иные объекты, содержащие кровь.
6. Наличие / необходимость сохранения кровного единения:
 - 6.1. с народом
 - 6.2. славян
 - 6.3. русских.

II. Инструментальный уровень представляет собой инвентарь всех элементарных средств речевого воздействия. В нашем случае он базируется на главном средстве реализации анализируемого персуазива — метафоре. Метафоры разнообразны и составляют порядка 50 % от общего количества всех случаев употребления средств речевого воздействия, связанных с семантикой крови. Наиболее частотны следующие метафоры: *потоки крови, реки крови, море крови*. Обращает на себя внимание ярко выраженный гиперболизирующий характер этих и других метафор: *потопить в крови, облить кровью (страну), напитать кровью (землю)*. Семантические блоки 5.1 и 5.3 практически полностью реализуются при помощи метафоры.

Вторым по значимости инструментом является фразеологизм *пролить кровь (чью-либо)* и существительное *кровопролитие*, реализующие в основном семантические блоки 1—3. Другие фразеологизмы были менее частотны: *кровавая баня, кровавая оргия, кровавый ростбиф, (защищать) до последней капли крови*.

Использовались также эпитеты *кровавый (кровавый разгул, кровавые события, кровавая расправа, кровавый вызов)* и *кровожадный (кровожадная мстительность, кровожадные инстинкты)*.

Наблюдается использование олицетворения, сопряженное довольно часто с привлечением архаичных глаголов, что существенно повышает пафос высказывания: *кровь (невинных) вопиет, кровь кричит*.

III. Операциональный уровень персуазивного комплекса представляет собой приемы и способы выражения определенных значений при помощи определенных инструментов в зависимости от темы высказывания, контекста, политической позиции. По сути, это персуазивные техники, которые вырабатывают агенты дискурса, в нашем случае — депутаты и фракции.

Активное функционирование образа-символа крови в парламентских речах и разнообразие способов его предъявления в ходе дискуссии свидетельствуют о его высоком персуазивном потенциале. Важно заметить, что эти способы коррелировали с политической позицией ораторов и являлись своеобразными маркерами расклада сил в политической дискуссии.

В рамках общей стратегии персуазивности фракция кадетов использовала образ крови в качестве основы для частной коммуникативной стратегии обвинения в совершении преступлений в адрес правительства и проправительственных сил. При этом использовались пропозициональные блоки 1.1, 1.2, 4.2, 4.4, 5.2, реализовывавшиеся при помощи метафор и фразеологизма *пролить кровь*. Такие выступления многочисленны и типичны. *Алексинский: ...Не говорю уже о том, как много семей заключенных и сосланных административно остались без куска хлеба и голодают. Министру Дурново, пролившему много народной крови, организовавшему систему произвола, пожаловано двести тысяч рублей; голос народа требует помощи государства для жертв произвола* [ГД, 1906, стлб. 118] (пропозициональный блок 4.4, фразеологизм). *Родичев: До тех пор, пока нет того, что называется ответственностью министров, то есть подотчетности их за законность и целесообразность их действий, до тех пор нет настоящей ответственности перед Монархом. Эта ответственность темна, её до сих пор не было, и мы не знаем, сколько преступлений прикрито священным именем монарха, сколько крови скрыто под горностаевой мантией, покрывающей плечи Государя Императора* [ГД, 1906, стлб. 79] (пропозициональный блок 4.2, метафонимия).

Левые депутаты (фракция трудовиков и социалисты) использовали персуазивный комплекс «КРОВЬ» в наиболее агрессивных выступлениях. Коммуникативная стратегия обвинения, как и в выступлениях кадетов, была направлена против правительства и высшей власти, однако ее структура была несколько иной. Более активно реализовывался пропозициональный блок 5.1. *Михайличенко: Организация искала лучшей жизни, наметила себе продукт, который необходим ей, с которыми она живет, с которыми она добывает себе кусок хлеба и кормит еще те элементы, которые живут как паразиты и сосут его кровь, ничего не делая и ничего не работая, живут во вред труженикам* [ГД, 1906а, стлб. 1356] (пропозициональный блок 5.1, метафора). Включение в персуазивный комплекс блока 2 индуцирует обвинения не только в состоявшихся кровопролитиях, но и в будущих, при этом ораторами рисуются мрачные картины будущего, которое угрожает всей стране. *Гомартели: Начиная с 17 октября правительство это заполнило русскую землю русской кровью и трупами русских граждан; начиная с 17 октября и по настоящее время правительство впи-*

сало в свою славную историю около 17 тысяч убитых и около 20 тысяч раненых. Правительство опозорило решительно все правосудие, опозорило закон, опозорило церковь, опозорило истинное слово Христово. Но всего этого недостаточно, нужна еще **кровь**, нужны еще жертвы; и вот с этой целью предпринимаются все погромы, и я уверен, что белостокский погром является началом новых зверств, новых **кровопролитий**, предпринимаемых со стороны правительства [ГД, 1906а, стлб. 1828—1829] (пропозициональные блоки 1.3, 2, 4.2, лексический повтор).

Стратегия обвинения при использовании блока 2 «Кровь будет проливаться в ближайшее время (если не выполнить определенных условий)» перерастала в стратегию угрозы в случаях, когда оратор четко идентифицировал себя с объектом кровопролития / потерпевшим. *И. Савельев: ...Я сам рабочий, знаю как настроена теперь Москва и как настроен Петербург... Несмотря на эти прокламации и эти надписи градоначальников завтра будут митинги, завтра будет большое и сильное **кровопролитие**, потому что рабочих будут разгонять и бить нагайками, а они не будут уходить и будут кричать: «Нам нужна амнистия». Вот, как знаток рабочего класса я подчеркиваю, что завтрашний день принесет массу жертв... Я не разбираюсь в законах, я не знаю этих законов, но напоминаю, что если на завтрашний день не успокоить так или иначе рабочий класс, то будет много **крови*** [ГД, 1906, стлб. 36] (пропозициональный блок 2, прямое значение / метонимия). Угроза при этом не имела четкого объекта, важно было, что говорящий подчеркивал возможность реализации негативных действий той группой, к которой он себя причислял. Такая угроза кровопролития практически всегда сопровождалась предложением некоей альтернативы, что в плане политического действия приобретало черты шантажа. Интересно, что депутаты от конституционно-демократической фракции также часто использовали коммуникативную стратегию угрозы, но ни разу при этом не применяли персуазивный комплекс «КРОВЬ».

Депутаты правой фракции «Союз 17 октября» в I Государственной думе использовали персуазивный комплекс «КРОВЬ» реже представителей всех других политических сил. Само это слово и однокоренные с ним в речах октябристов зафиксированы 33 раза (в речах кадетов — более 120 раз). Это связано как с объективными обстоятельствами (фракция была малочисленной, а ее депутаты не были активными в ораторской деятельности), так и с политической позицией фракции в парламенте: депутаты последовательно отстаивали антиреволюционные взгляды, поддерживали монарха, а в некоторых прениях и членов правительства. Высказывания радикальной тональности в целом не были характерны для парламентариев данной группы, а муссирование темы крови так или иначе было связано с деструк-

тивными речевыми действиями. В большинстве случаев октябристы использовали анализируемый персуазив как составляющую сложной частной коммуникативной стратегии оборонительного характера. Упоминания крови возможны были только в ответ на резкие высказывания оппонентов, переходившие некоторую «красную линию», как, например, обвинения монарха в кровопролитии, призывы к революционным действиям или требования полного запрета смертной казни. В этом случае октябристы в различной форме указывали на непродуктивный характер такой позиции, используя смысловые блоки 1.3, 2, 3, 5.3. Объектами речевого воздействия чаще всего были левые депутаты, в некоторых случаях — кадеты. Реализация персуазива была однотипной и почти всегда заключалась в использовании достаточно нейтрального фразеологизма *пролить кровь (чью-либо)*, в единичных случаях использовались другие речевые обороты. *Стахович: ...И страшную ответственность кладут на Думу все те, кто с кафедры призывают к самоуправству народному, говорят, как сегодня еще, что надо перейти к силе и пусть-де падет эта кровь на виноватых. Это пролитая нами и братьями нашими русская кровь прольется не за Родину, а в ущерб ей и в горе! Пусть же ляжет она на совесть тех, кто прославляет насилие, подбивает омраченных, нетерпеливых и раздраженных* [ГД, 1906а, стлб. 996—997] (смысловой блок 1.3, 2, фразеологизм). *Способный: Засим второй вопрос, так сказать, вопрос общественного значения, это вопрос о смертной казни. Признаюсь вам, когда мне говорят о том, что есть люди, готовые пожертвовать всем для отмены смертной казни, я таким людям не верю, я отлично знаю, что они глотают живых устриц, жуют кровавые ростбифы в огромном количестве (при этих словах поднимается страшный шум)* [ГД, 1906а, стлб. 87] (смысловой блок 5.3, фразеологизм).

3. Выводы

Приведенный пример структурирования персуазивного комплекса показывает, что перед нами единица анализа дискурса, которая направлена на выявление семантической, формальной и функциональной составляющих воздействия адресанта на реципиента. В нашем случае эта единица анализа используется для срезового исследования особенностей персуазивности русской парламентской коммуникации на этапе ее зарождения. Диахронический же подход дает полноценную картину развития персуазивности в данном дискурсе.

Так, например, спустя два года в Государственной думе третьего созыва правые радикалы (черносотенцы) создали свою персуазивную технику использования образа-символа крови, акцентируя внимание аудитории на

переходе от «крови народа», то есть крови вообще, к «крови русских», а затем и к крови сакральной жертвы. Таким образом, правыми депутатами был сконструирован новый пропозициональный блок — «кровь русского мученика», реализацией которого стала коммуникативная стратегия обвинения левых в убийстве Александра II и стратегия обвинения кадетов в притеснении русских (кровопролитием стали называться уже не казни, а «избиения», «мучения», гораздо реже — «убийства») в Финляндии и Польше.

Благодаря националистам же к 1911 году в русском парламентском дискурсе был сформирован мощный персуазив, основанный на новом пропозициональном блоке «кровь ребенка» и повлиявший на развитие русского политического дискурса в целом. Наиболее полно данный персуазив реализовался в обсуждении прототипического события — убийства Андрея Ющинского («Дело Бейлиса»), при этом криминалистические подробности насильственной смерти позволили депутатам манипулировать в пространстве речевого воздействия как метафорическими, так и прямыми смыслами словосочетания «кровь ребенка». Однако формироваться он начал задолго до дела Бейлиса, приобретая черты наиболее мрачной и агрессивной коммуникативной стратегии угрозы, сопряженной с призывами физического устранения политических оппонентов, социальных и национальных групп.

Персуазивные комплексы, реализуясь в конкретных персуазивах, в рамках дискурса пересекаются друг с другом. Например, комплекс «КРОВЬ» обнаруживает связь с персуазивными комплексами «РЕБЕНОК», «ЗЕМЛЯ», «ОРУЖИЕ». Перспективой исследования в данном случае является полевое структурирование пересекающихся комплексов, что позволит моделировать фрагменты дискурса, связанные с воздействием агентов друг на друга.

Источники и принятые сокращения

1. ГД 1906 — *Государственная Дума* : стенографические отчеты : 1906 год : сессия 1 : Т. 1 : заседания 1—18. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1906. — 866 стлб.
2. ГД 1906а — *Государственная Дума* : стенографические отчеты : 1906 год : сессия 1 : Т. 2 : заседания 19—38. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1906. — 2014 стлб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации : подходы к исследованию / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова // *Политическая лингвистика*. — 2014. — № 3. — С. 24—32.
2. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореферат диссертации... кандидата филологических наук / А. В. Голоднов. — Санкт-Петербург, 2003. — 23 с.

3. Граудина Л. К. Функционально-смысловые типы парламентской речи / Л. К. Граудина // Культура парламентской речи / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. И. Ширяев. — Москва : Наука, 1994. — С. 23—34.

4. Громыко С. А. Язык российского парламента : становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 82—91.

5. Дулесов Е. П. Метафора в парламентском дискурсе (на материале речей российских депутатов начала XX века) : диссертация... кандидата филологических наук / Е. П. Дулесов. — Ижевск, 2020. — 208 с.

6. Китайгородская М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык : социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 151—240.

7. Парламентский дискурс : социокультурные практики и языковое воплощение : монография / Т. А. Ширяева, Л. И. Триус, А. Ю. Багрян, Ю. А. Черноусова, О. М. Литвишко. — Казань : Бук, 2020. — 148 с. — ISBN 978-5-00118-544-4.

8. Правикова Л. В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе / Л. В. Правикова // Филологические науки : вопросы теории и практики : часть 2. — 2018. — № 1 (79). — С. 359—362.

9. Рюкова А. Р. Языковые способы реализации персуазивности / А. Р. Рюкова, Е. А. Филимонова // Вестник Башкирского университета. — 2016. — Т. 21. — № 2. — С. 431—435.

MATERIAL RESOURCES

GD 1906 — *State Duma: verbatim records: 1906: session 1: vol. 1: sessions 1—18.* (1906). Saint-Petersburg: Gos. tip. 866 column. (In Russ.).

GD 1906a — *State Duma: verbatim records: 1906: session 1: vol. 2: sessions 19—38.* (1906). Saint-Petersburg: Gos. tip. 2014 column. (In Russ.).

REFERENCES

Alferov, A. V., Kustova, E. Yu. (2014). On the discursive status and categories of parliamentary communication: approaches to research. *Political linguistics*, 3: 24—32. (In Russ.).

Dulesov, E. P. (2020). *Metaphor in parliamentary discourse (based on the speeches of Russian deputies of the early twentieth century): PhD Diss.* Izhevsk. 208 p. (In Russ.).

Golodnov, A. V. (2003). *Linguistic and pragmatic features of persuasive communication (on the example of modern German-language advertising): author's abstract of PhD Diss.* Saint-Petersburg. 23 p. (In Russ.).

Graudina, L. K. (1994). Functional and semantic types of parliamentary speech. In: Graudina L. K., Shiryayev E. I. (eds.). *Culture of parliamentary speech*. Moscow: Nauka. 23—34. (In Russ.).

Gromyko, S. A. (2011). The language of the Russian parliament: the formation of domestic parliamentary communication at the beginning of the twentieth century. *Political linguistics*, 2 (36): 82—91. (In Russ.).

Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (2003). In Modern political communication. In: Krysin L. P. (ed.). *Modern Russian language: social and functional differentiation*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 151—240. (In Russ.).

- Pravikova, L. V. (2018). Persuasiveness as a cognitive strategy in parliamentary discourse. *Philological sciences: questions of theory and practice: part 2, 1 (79)*: 359—362. (In Russ.).
- Ryukova, A. R., Filimonova, E. A. (2016). Linguistic ways of realizing persuasiveness. *Bulletin of the Bashkir University, 21 (2)*: 431—435. (In Russ.).
- Shiryayeva, T. A., Trius, L. I., Bagiyan, A. Yu., Chernousova, Yu. A., Litvishko, O. M. (2020). *Parliamentary discourse: socio-cultural practices and linguistic embodiment*. Kazan: Buk. 148 p. ISBN 978-5-00118-544-4. (In Russ.).